
18+

Алексей Прусов

Неизвестная Императрица
Часть 3 (Игра по-крупному)

https://litres.ru/74706504
SelfPub; 2026

Аннотация

Заключительная часть трилогии. В игру вступают новые персонажи, а сложные ситуации требуют

быстрых и нетривиальных решений, влияющих на судьбы мира

Алексей Прусов
Неизвестная Императрица
Часть 3 (Игра по-крупному)

Неизвестная Императрица.
Часть 3. Игра по-крупному
Глава 1. Задание

Кабинет Игоря Аркадьевича был выдержан в тех же тонах, что и раньше, но что-то в нём изменилось. Пахло не только дорогой кожей и цейлонским чаем, но и чем-то новым — терпким, почти аптечным запахом старой бумаги, которую долго хранили в сейфе. Игорь Аркадьевич сидел в своём кресле, но не откинувшись, как раньше, а подавшись вперёд, опираясь локтями о стол. Его лицо было серьёзным, даже жёстким, но в глазах горел тот самый огонь, который Наталья видела в нём в последние месяцы — огонь человека, который наконец нашёл смысл.

— Ну, что думаете? — спросил он, и голос его звучал ровно, без прежней властной ноты. Теперь это был голос человека, который говорит с равными.

Вадим задумчиво почесал лоб. Он выглядел уставшим — последние месяцы дались ему тяжело. Но в нём появилась та внутренняя собранность, которая отличает человека, про-

шедшего через ад и выжившего.

— Вопрос, конечно, интересный, — сказал он медленно, — но как мы сможем их вычислить? У нас есть для этого ФСБ. Пускай они этим занимаются — это же их непосредственная задача.

Игорь Аркадьевич кивнул, но в его взгляде мелькнула тень.

— С одной стороны, ты прав, — сказал он, — но ФСБ тоже не всесильна. И потом, они знают, что пара существует, но не знают имён, лиц, мест работы. Известно только одно: они действуют вместе, они профессионалы, и они уже внутри.

Он замолчал, давая информации осесть. В кабинете повисла тишина, тяжёлая, как перед грозой. Наталья чувствовала, как кольцо на её пальце чуть пульсирует — слабо, едва заметно. Оно не предупреждало об опасности. Оно просто напоминало, что она здесь, что она слышит, что она наблюдает.

— Понятно, что ФСБ работает, — продолжил Игорь Аркадьевич. — Но мы теперь работаем вместе, так сказать, в тандеме. Если они первыми выйдут на след и найдут их — отлично. Если мы окажем существенную помощь в поимке. По большому счёту неважно, кто в итоге сработает. Важен конечный результат.

— Но что мы можем сделать? — не выдержала Наталья, и голос её дрогнул. — У нас же нет тех ресурсов, которые есть у них.

Игорь Аркадьевич посмотрел на неё, и в его взгляде было что-то похожее на уважение. Он достал из стола папку — ту самую, тёмно-синюю, — и положил её перед ними.

— Держите, — сказал он. — Здесь копии всех документов, которые есть у них. Не так много, конечно, но, как говорится, чем богаты. Ты классный юрист. Посмотри, покопайся внимательно. Может, найдёшь несостыковки, которые потянут ниточку.

Он раскрыл папку. На стол легли листы с цифрами, схемами, именами. Наталья провела по ним пальцами, чувствуя их шершавую текстуру.

— Вот, посмотри, — сказал Игорь Аркадьевич, указывая на одну из схем. — Здесь есть ряд подозрительных транзакций. Без денег они ничего сделать не смогут. И без денег больших. Потом, в этом могут быть замешаны очень высокопоставленные люди. И у них могут быть связи в самой ФСБ. А здесь любая утечка информации будет критичной. Поэтому и нужна наша помощь.

— Что, в ФСБ есть крот? — удивлённо спросил Вадим, и в его голосе прозвучала тревога.

Игорь Аркадьевич улыбнулся — коротко, без веселья. Он вспомнил, как они развели Стивена, как играли в двойную игру, как ходили по краю. Тогда всё было иначе. Тогда они были загнанными зверями. Теперь они — охотники.

— Кто его знает, — ответил он. — Я надеюсь, что нет. Но исключать этого нельзя.

— А в чём тогда будет моя роль? — спросил Вадим, и в его голосе прозвучала нотка неуверенности.

Игорь Аркадьевич внимательно посмотрел на него. В его взгляде было что-то новое — не оценка, не расчёт, а признание.

— Ты, мой друг, неплохой аналитик, — сказал он. — Поверь мне, я разбираюсь в людях. Даже если ты им никогда не работал, я вижу в тебе неплохой потенциал. Используй его. Используй свою интуицию. В этом деле любая зацепка может помочь.

Он встал с кресла и начал расхаживать по кабинету, заложив руки за спину. Шаги его были размеренными, но в них чувствовалась скрытая энергия.

— Вы же знаете, что происходит в стране? — спросил он, не оборачиваясь. — Новости читаете? Нарастает внутреннее напряжение. Экономические проблемы, недовольство, внешнее давление. Спецслужбы получили информацию, что готовится масштабная операция по дестабилизации. Цель — не просто протесты, а настоящая «пятая колонна». Сеть агентов, которые должны разжечь конфликт изнутри, развалить экономику, посеять панику. А затем — передать власть «нужным» людям. На кону стоит очень многое.

Вадим с Натальей переглянулись. В их взглядах был один и тот же вопрос: во что мы ввязываемся?

Прошло уже несколько месяцев после всех событий. Они вернулись в Россию. Вышли на работу к Игорю Аркадьевичу

— но уже в другую компанию, где бизнес ведётся другими методами. Игорь Аркадьевич, переживший трансформацию и получивший прощение от императрицы, теперь использовал свои связи и ресурсы на благо страны. Он был «мостом» между бизнесом и государством. И он тянул за собой их, Наталью и Вадима.

— Хорошо, мы попробуем этим заняться, — сказала Наталья, беря папку. Её пальцы чуть дрожали, но она не позволила себе показать это. — Сколько у нас времени?

— Времени… — Игорь Аркадьевич задумался. Он остановился у окна и посмотрел на город. За стеклом был серый петербургский день, но в его глазах отражалось что-то другое. — В данном контексте вопрос не совсем корректный. У нас очень мало информации. И времени как может быть достаточно, так его может и не быть совсем. Чем быстрее удастся выйти на след, тем лучше.

— Вы говорили, что в этом деле могут быть замешаны очень высокопоставленные люди? — спросила Наталья, чувствуя напряжение в каждом участке своего тела. Кольцо пульсировало сильнее.

— Это догадки, — ответил Игорь Аркадьевич, и голос его стал тише. — Но, да. Могут.

Он снова начал ходить по кабинету. Шаги его были тяжёлыми, как у человека, который несёт на себе груз, который не виден другим.

— Это лишь догадки, — продолжил он. — Но догадки

тоже не просто так. Есть информация, что наш финансовый сектор может быть причастен. Я не говорю обо всём секторе целиком. Но отдельные люди — вполне.

Он остановился и посмотрел на них. В его глазах была сталь.

— Вы знаете, например, кому подчиняется глава ЦБ? — спросил он.

У Натальи округлились глаза. Она почувствовала, как внутри неё всё сжимается.

— Вы думаете… — начала она, но голос её сорвался.

— Я просто привёл пример, — перебил её Игорь Аркадьевич. — Надеюсь, что это не так. Но…

Он оборвал фразу. В кабинете повисла тишина. Такая, что было слышно, как где-то вдалеке сигналит машина, как шумит вода в трубах, как бьётся сердце Натальи — гулко, тяжело, как молот.

— Так что, давайте, сладкая парочка, действуйте, — сказал он, и в его голосе снова появилась та самая жёсткость, которая когда-то пугала их. Но теперь она не пугала, теперь она давала опору. — Докладывайте мне лично. В любое время. О любом, любом результате.

Вадим взял папку из рук Натальи. Она была тяжёлой — тяжелее, чем должна была быть. Или это просто их руки дрожали.

Они вышли из кабинета. Дверь закрылась за ними с тихим щелчком.

В коридоре было тихо, только где-то вдалеке слышались шаги. Наталья остановилась и прислонилась к стене. Она чувствовала, как кольцо немного пульсирует. Как будто императрица говорила ей: «Я здесь. Я вижу. Я с тобой».

— Ты веришь ему? — тихо спросил Вадим, глядя на неё.

Наталья посмотрела на него. В его глазах была усталость, страх — и что-то ещё. Что-то, что она видела в нём с самого начала. Готовность идти до конца.

— Я верю ей, — ответила она, и коснулась кольца. — А он — её часть. Значит, и ему.

Вадим кивнул. Он не стал спрашивать, что она имеет в виду. Он и так знал.

Они пошли по коридору к своему кабинету — к новой игре. К игре, в которой ставки были выше, чем когда-либо. К игре, в которой они не могли позволить себе проиграть.

За их спинами, в кабинете, Игорь Аркадьевич стоял у окна и смотрел на город. Он чувствовал, как внутри него борются страх и решимость. Он знал, что началась новая партия. Партия, в которой он не пешка и не ферзь. Он тот, кто держит доску.

Но даже он не знал, что за тени скрываются за фигурами противника.

Кольцо на пальце Натальи пульсировало. Императрица смотрела на неё через века. И в этом взгляде была не только любовь. Была тревога.

Глава 2. Анна Александровна

— Кофе принеси, — Анна оторвалась от экрана компьютера и внимательно посмотрела на свою секретаршу. Взгляд был холодным, оценивающим — как у человека, который привык, что все вокруг должны подчиняться его воле. — Что-то ещё?

— Да, Анна Александровна, — Катя замялась, переминаясь с ноги на ногу. В её голосе слышалась неуверенность, которая всегда появлялась, когда нужно было просить о чём-то личном. — Я хотела с вами поговорить. Дело в том, что мне нужно взять несколько дней за свой счёт.

Анна подняла бровь. Ей не нравилось, что её секретарь, который должен полностью закрывать все потребности своего шефа, часто отпрашивается по личным делам. Это раздражало, это выбивало из ритма. А ритм был для Анны всем.

— Это зачем ещё? — спросила она, и голос её стал резче.

— Это личное, Анна Александровна, но мне очень нужно, — Катя смотрела в пол, как провинившаяся школьница.

— А мне нужно, милочка, чтобы ты работала и выполняла свою работу хорошо, — Анна снова перевела взгляд на компьютер, давая понять, что разговор закончен.

Но Катя не уходила. Она стояла, сжав руки в кулаки, и в её глазах блестели слёзы, которые она изо всех сил старалась сдержать.

— Ну? — в голосе Анны послышались нотки раздраже-

ния. — Что ещё непонятно?

— Анна Александровна, но мне правда очень нужно, — голос Кати дрогнул.

— Всё, — отрезала Анна резким голосом, как будто захлопнула дверь. — Разговор закончен. Иди работай, да и кофе мне принеси.

Катя развернулась и вышла из кабинета. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком, и только тогда она позволила себе выдохнуть. Слёзы потекли по щекам, но она быстро вытерла их рукавом. Нельзя. Нельзя показывать слабость. Не здесь.

«Вот сука, — думала она, идя по коридору. — Кофе ей принеси, сама сходить не может. Да ещё и не отпустила, тварь».

Обида на свою начальницу копилась уже давно. Она копилась месяцами, как вода в плотине, и Катя чувствовала, что скоро эта плотина прорвётся. Но платили неплохо, очень неплохо. И Катя была вынуждена держаться за эту работу — ради мамы, ради себя, ради того, чтобы не оказаться на улице.

Замминистра финансов Анна Александровна занимала эту должность не так давно. Она появилась словно из ниоткуда — никто не знал, откуда она пришла, кто её привёл, какие силы стояли за её назначением. В конторе ходили слухи: то ли она внучка кого-то очень влиятельного, то ли любовница другого авторитетного чиновника. Но точно никто не знал. Она была закрытой, как сейф, и такой же холодной.

Анна быстро вошла в роль. Она начала координировать работу структурных подразделений, давать поручения, участвовать в формировании федерального бюджета и в управлении государственным долгом. Она решала много других рутинных задач, которые лежали на плечах ведомства. И делала это с той холодной эффективностью, которая вызывала у подчинённых одновременно страх и уважение.

Время от времени она уезжала на совещания в ЦБ. И всегда возвращалась оттуда в приподнятом настроении — с лёгкой улыбкой, с блеском в глазах, с энергией, которой не было в обычные дни. В эти моменты у Кати был шанс получить расположение начальницы: Анна становилась мягче, могла похвалить, могла даже угостить кофе. Но совещаний уже давно не было. И Анна Александровна сидела злая и раздражённая, как туча, готовая разразиться грозой в любой момент.

Катя вздохнула, приготовила кофе — крепкий, без сахара, как Анна любила, — и молча отнесла его в кабинет. Она уже вышла, как вдруг снова услышала голос шефа:

— Зайди ко мне.

Катя замерла, сердце заколотилось. Она вернулась и остановилась у двери.

— Да, Анна Александровна?

— Закажи билет до Питера на завтра, на утро. Как обычно — бизнес. Часов на семь утра.

— А обратный билет во сколько? — спросила Катя, до-

ставая телефон.

— Пока не знаю. Я могу задержаться на пару дней. Я позвоню.

Катя молча вышла. Дверь закрылась. И только тогда, оказавшись в коридоре, она позволила себе сжать кулаки.

«Вот сука, — снова подумала она. — Самой не будет, а меня не отпустила».

А Кате так нужно было несколько дней. Очень нужно. Старая мама, которая уже не могла сама о себе позаботиться, требовала ухода. Катя нашла спецорганизацию, которая могла обеспечить должный уход, но нужно было подписать документы, оформить бумаги, решить вопросы. Без неё это было невозможно. А Анна не отпустила. Просто не отпустила, даже не выслушав.

День близился к концу. Катя всё посматривала на часы, дожидаясь, когда можно будет пойти домой. Она уже почти собралась, когда её мобильный зазвонил. Номер был незнакомый.

Она поколебалась секунду, но всё же ответила.

— Алло?

— Екатерина, здравствуйте, — голос на том конце был женским, спокойным, но с какой-то странной ноткой — как будто человек знал больше, чем говорил.

— Добрый день. А это кто? —спросила Катя, нахмурившись.

— Вы меня не знаете. Но нам нужно встретиться.

— Это ещё зачем? — в голосе Кати послышалась настороженность.

— Речь идёт о вашей маме. И это важно.

Катя почувствовала, как внутри неё всё сжалось. Мама. Её единственный близкий человек, её слабость, её боль.

— Вы из соцзащиты? — догадалась она, и в голосе появилась надежда.

— Да, из соцзащиты, — ответил голос. — Давайте в семь вечера. Там у вас фонтан справа и скамейки. Я буду вас ждать.

— Хорошо, — Катя повесила трубку и несколько секунд смотрела на телефон в своей руке.

«Как-то странно, — подумала она. — У фонтана? Почему не в офисе?»

Но мысль о маме перевесила все сомнения. Если это действительно соцзащита, если они могут помочь, если они могут организовать уход... Катя была готова на всё.

На другом конце трубку повесила Наталья. Она посмотрела на Вадима, который сидел рядом, подавшись вперёд, с нетерпением во взгляде.

— Ну что? — спросил он, и голос его дрожал от напряжения.

— Она согласилась, — ответила Наталья.

— Ты уверена, что это правильный путь? — спросил Вадим, и в его голосе прозвучала тревога. — Использовать её мать...

Наталья подняла на него глаза. В её взгляде была усталость, но и решимость.

— Я не использую её мать, — сказала она тихо. — Я использую её боль, её отчаяние, её ненависть к начальнице. Это то, что откроет нам дверь.

Она помолчала, глядя на кольцо.

— Иногда, чтобы победить, нужно играть на самых тёмных струнах человеческой души.

Вадим смотрел на неё и чувствовал, как внутри него что-то сжимается. Он не хотел этого. Он не хотел использовать людей, их слабости, их боль. Но он знал, что другого пути нет.

— Хорошо, — сказал он наконец. — В семь вечера. У фонтана.

Глава 3. Военный совет

Ольга Фёдоровна сидела у окна своих покоев, и в руках у неё было очередное донесение с юга России. Бумага была плотной, чуть шершавой на ощупь и дорогой, привезённой из Голландии. Но запах дорогой бумаги не радовал, он раздражал. Он напоминал о том, что где-то там, за сотни вёрст, льётся кровь, горят деревни, идёт война, которая никак не хочет заканчиваться.

Турки опять активизировались. Не могли принять прошлое поражение. В Крыму было неспокойно — постоянно вспыхивали мятежи, плелись заговоры, духовенство агити-

ровало за Турцию. Хан, которого она посадила на престол, оказался слабым. Или предателем. Или и тем, и другим.

Ольга Фёдоровна сжала лист. Необходимо было срочно вмешиваться: отправлять войска к турецким границам, флот — в Чёрное море. Да, турки формально признали вхождение Крыма в состав Российской империи. Но мало признать. Нам надо заботиться о новых территориях — заселять их, развивать экономику, строить города, порты, крепости. И одновременно — держать порох сухим.

Она глубоко вздохнула. Вздох был тяжёлым, как у человека, который несёт на плечах груз, невидимый для других: «Что ж, это опять война? Опять заговоры, интриги, предатели? Хотя казалось, что всё должно было уже успокоиться. Но почему?»

Вопрос был риторическим. Она знала ответ. И причина была не только в сложной политической ситуации. Причина была в будущем. В том далёком будущем, где Наталье и Вадиму предстояло пройти через свои испытания. Где им предстояло сыграть свою роль. И от того, как они её сыграют, зависело будущее всей России на несколько веков.

Но здесь и сейчас медлить было нельзя. Это лишь вопрос времени, когда турки вступят в очередную войну. Нужен был союз. Но с кем?

Единственное, что приходило в голову, — квазигосударство, которое ещё хоть как-то существовало.

— Хм-м, — Ольга Фёдоровна криво улыбнулась. — Свя-

щенная Римская Империя. Которая уже и не Римская, и не священная, да и не империя вовсе.

Но другого варианта не было.

Она опять склонилась над донесением. Глаза устали, буквы расплывались, но она заставила себя читать дальше.

«Предположительно турки заручились поддержкой Франции и Великобритании. Поддержка — это не военный союз, но тоже приятного мало».

Франция и Англия. Две державы, которые никогда не упускали случая ослабить Россию. Они не воевали открыто. Они действовали чужими руками. Они плели интриги, подкупали, обещали. И теперь — турки. Опять турки.

— Алексашка, — позвала она.

Через несколько секунд дверь приоткрылась, и на пороге появился её секретарь.

— Срочно объяви о созыве военного совета, — сказала она, и голос её был твёрдым и решительным.

Алексашка поклонился и пулей вылетел из комнаты.

Военный совет собрался через пару часов. В кабинете было душно — натоплено так, как топили только перед приездом важных гостей. Свечи в массивных канделябрах горели ровно, но их свет казался тусклым, как будто сам воздух был пропитан тревогой. На столе лежали карты, испещрённые красными и чёрными пометками. Пахло воском, табаком и старым деревом.

Ольга Фёдоровна сидела во главе стола. Она внимательно смотрела на лица, которые знала уже давно. Лица, которым она доверяла. Лица, готовые отдать свою жизнь за Россию.

«Но так ли это на самом деле? — горькая мысль закралась в её голову. — Можно ли им всем доверять? Нет ли среди них предателей? Людей, которые могли прикрываться словами и даже делами, а на самом деле хотели подорвать ситуацию изнутри? Пятая колонна». Оля вспомнила это слово — странное, чужое, но точное. Термин, который появится через сотни лет. И она по понятным причинам не могла произнести его вслух. Но она чувствовала его. Она знала, что такие люди есть. Они всегда есть. Они прячутся за улыбками, за верностью, за громкими словами о патриотизме. И в самый нужный момент наносят удар.

Она перевела взгляд на Румянцева. Граф Пётр Александрович. Один из лучших её военачальников. Умный, решительный, иногда излишне жестокий, но верный. Он сидел, подавшись вперёд, и в его глазах горел тот самый огонь, который она видела у людей, готовых на всё ради победы. Но была ли эта готовность искренней? Или он просто играл свою роль?

Румянцев заговорил. Голос его был ровным, уверенным, как у человека, который знает, что говорит.

— Наш ключевой принцип заключается в отказе от кордонной доктрины и линейной тактики, — начал он, и в кабинете повисла тишина. — Эти доктрины предполагают равно-

мерное распределение сил по фронту и пассивную оборону укреплённых линий. Мы откажемся от этого.

Он сделал паузу и внимательно осмотрел собравшихся. Его взгляд скользил по лицам генералов, как будто он проверял, кто из них слушает, а кто просто присутствует.

— Вместо этого мы сделаем ставку на решительное сосредоточение сил на решающих участках, — продолжил он. — Мы создадим ударную группу и бросим её в наступление, чтобы навязать противнику генеральное сражение и разгромить его в центре.

Он опять замолчал, давая время обдумать свои слова. В кабинете было слышно, как потрескивают свечи и бьётся в окно ветка дерева.

— Но позвольте, — вмешался в разговор Репнин.

Князь Николай Васильевич. Осторожный, расчётливый, иногда слишком медлительный. Он всегда просчитывал риски, всегда искал подвох. Ольга Фёдоровна видела его насквозь — он боялся поражения больше, чем врага. И это было его слабостью.

— Противник располагает значительно превосходящими нас силами и создал сильные укрепления в нескольких лагерях, — сказал Репнин, и в его голосе звучала тревога. — Это очень рискованный план. Если что-то пойдёт не так, мы потерпим поражение.

Он посмотрел на Румянцева, и в его взгляде была не вражда, а страх. Страх за армию, за солдат, за Россию. Но был

ли это страх патриота или страх человека, который боится потерять своё место?

— Я уверен в успехе, — твёрдо ответил Румянцев, и в его голосе не было ни тени сомнения. — Другим важным элементом будет разумная децентрализация управления, самостоятельность командиров на местах. Нужно давать им свободу инициативы для достижения победы.

Споры не утихали. Слово взял Панин. Потом — Потёмкин. Потом — ещё кто-то. Голоса становились громче, страсти накалялись. Одни поддерживали Румянцева, другие — Репнина. Третьи предлагали компромисс. Четвёртые — вообще ничего не предлагали, просто молчали, и это молчание было красноречивее любых слов.

Ольга Фёдоровна слушала. Она смотрела на каждого из них и пыталась понять: кто из них искренен? Кто играет? Кто предатель? Кто просто боится?

Панин — умный, хитрый, всегда просчитывающий на несколько шагов вперёд. Но его брат уже предал её однажды. Он украл перстень. Он хотел использовать Георгия. Но она простила его. Или сделала вид, что простила. Он был нужен ей. Пока нужен.

Потёмкин — горячий, полный идей. Он верил в то, что говорит. Верил в победу, верил в Россию. Но он был слишком молод, слишком наивен. И это тоже было опасно.

А кто-то молчал. Сидел в углу и молчал. И это молчание было как нож, который держат за спиной.

Ситуация начала накаляться. Голоса стали громче, жесты — резче. Ещё немного — и кто-то мог сорваться. Ольга Фёдоровна подняла руку.

В зале повисла гробовая тишина. Даже свечи, казалось, перестали потрескивать. Все взгляды устремились на неё.

Она медленно обвела взглядом своих военачальников: Панин, Румянцев, Репнин, Потёмкин. Все они смотрели на неё. Ждали. Надеялись. Боялись.

— Господа, — начала она, и голос её прозвучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало. — Вы все — сыны Отечества нашего, и в том, что каждый из вас готов положить живот свой за землю Русскую, я ни единой секунды не сомневаюсь. Вы — мужи воинские, искушённые в делах ратных, и я верую, что слова ваши идут от сердца, а не от лукавства.

Она сделала паузу. В комнате было тихо, только трещали дрова в камине.

— Но ныне час таков, что надлежит нам не речи вести, а решение принять, — продолжила она, и голос её окреп. — И решение сие должно быть единым. Я выслушала вас всех. И, по разумению моему, предложение графа Румянцева есть наиболее верное.

Она перевела взгляд на Румянцева. В её глазах была решимость.

— Действуйте, граф. И да поможет нам Бог.

Глава 4. Попытка убеждения

Капли фонтана искрились на заходящем солнце, переливаясь, словно маленькие изумруды. Вечер был тёплый — один из тех редких вечеров, когда город наконец смягчается, сбрасывает свою холодную маску и позволяет себе быть почти нежным. Наталья сидела на лавочке, чувствуя, как под ногами шуршит гравий, и ждала.

Вадим сидел в стороне, на другой скамейке, метрах в тридцати. Он делал вид, что увлечённо читает книгу — тонкий томик в мягкой обложке, — но на самом деле он не прочитал ни строчки. Он смотрел на Наталью, на её спину, на то, как она чуть сжимает пальцы, как дышит ровно, как держит лицо. Он знал, что она волнуется. Он чувствовал это даже на расстоянии.

Катя вышла из офиса ровно в семь. Она шла быстро, чуть ссутулившись, как человек, который не хочет, чтобы его заметили. Огляделась по сторонам — привычка, выработанная годами жизни в большом городе. Наталья заметила её первой и подняла руку, коротко, без суеты. Катя увидела, замедлила шаг, потом свернула к фонтану.

— Здравствуйте, — сказала она, подходя. — Это вы мне звонили насчёт мамы?

— Да, я, — Наталья встала и по-мужски протянула руку. — Наталья.

— Очень приятно, Екатерина, — Катя пожала руку. Пожатие было вялым, неуверенным. Она боялась.

— Присаживайтесь. Давайте поговорим.

Катя присела на край лавочки, готовая в любую секунду вскочить и уйти. Она сидела, сжав колени, и смотрела на Наталью с настороженностью человека, которого слишком часто обманывали.

— Я представляю благотворительный фонд, — сказала Наталья. — Мы помогаем людям, которые попали в трудную ситуацию.

— Да? — Катя нахмурилась. — А я думала, вы из соцзащиты.

— Я и есть из соцзащиты. Только не государственной, а частной.

— Разве так бывает? — Катя напряглась, и в её голосе послышалась нотка, которая появляется у людей, привыкших защищаться.

— Бывает, конечно. И не бойтесь, пожалуйста. Мы не мошенники. Мы правда можем помочь вашей маме. Определить её в хорошее учреждение. И всё за наш счёт.

Катя посмотрела на неё долгим взглядом. В этом взгляде была вся её жизнь: усталость, боль, недоверие и где-то глубоко — слабая, почти угасшая надежда.

— Так не бывает, — сказала она наконец, — в наши дни за всё приходится платить.

— И то верно, — Наталья улыбнулась — мягко, без вызова. — Давайте так: чтобы у вас не было сомнений, мы сначала решим вопрос с вашей мамой. Вот, мы подготовили

несколько вариантов. Посмотрите, пожалуйста, и выберите тот, что вам больше подходит.

Она достала из сумки лист бумаги и протянула Кате. Катя взяла его, но не стала смотреть. Она держала его в руках, как держат что-то опасное, что может обжечь.

— Да, а что потом? — спросила она, и голос её дрогнул. — Потом вы мне поставите условия, от которых я уже не смогу отказаться. Получается, вы манипулируете мной через маму. Я вам не верю.

Наталья помолчала. Она смотрела на Катю — на её сжатые плечи, на то, как она прикусила губу. И в этот момент она увидела не просто секретаршу. Она увидела женщину, которая давно уже живёт на пределе. Которая каждый день улыбается тем, кого ненавидит. Которая делает работу, которую презирает. И которая держится только ради одного человека.

— Никаких условий не будет, — сказала Наталья тихо, — вы потом сами всё решите.

— Решу — что?

— Работать с нами или нет.

Катя вскинула голову. Глаза её сузились.

— Вы вообще кто? — спросила она, и в голосе появилась паника. — Вы меня что… вербуете?

Наталья не отшатнулась, не стала оправдываться. Она просто смотрела, и в этом взгляде не было ни угрозы, ни игры.

— Катя, ну что вы, — сказала она мягко, — если бы я вас вербовала, я бы не стала говорить про вашу маму. Я бы давила на вас, угрожала, шантажировала. Я бы не сидела с вами у фонтана и не протягивала вам список клиник.

Она сделала паузу, давая словам осесть.

— Послушайте. Я знаю, каково это, когда ты одна, когда тянешь на себе всё. Когда рядом нет никого, кто мог бы просто сказать: «Я помогу». Когда все вокруг думают, что ты сильная, а ты сидишь вечером на кухне и не знаешь, как дотянуть до зарплаты.

Катя замерла. Она смотрела на Наталью, и в её глазах что-то дрогнуло. То, что она прятала очень долго.

— Откуда вы знаете? — прошептала она.

— Потому что я тоже через это проходила, — сказала Наталья, и это была правда. Не вся, но правда. — Я знаю, что такое — бояться за близкого человека и не иметь сил ему помочь. Знаю, что такое — ненавидеть свою работу, но держаться за неё из последних сил. Знаю, что такое — улыбаться тем, кто тебя унижает.

Она помолчала.

— Я не прошу вас доверять мне. Я не прошу вас что-то подписывать. Я прошу только об одном: возьмите этот список. Посмотрите, позвоните. Убедитесь, что это не обман. И если вам не понравится — вы просто уйдёте. Мы больше никогда не встретимся. И я не буду вас преследовать.

Она смотрела Кате прямо в глаза.

— Но, если вы уйдёте — ваша мама останется там, где она сейчас. А вы останетесь с этой болью. И знаете, что самое страшное? Ничего не изменится. Ни завтра, ни через месяц, ни через год. Вы будете так же тянуть, так же бояться, так же ненавидеть. И однажды просто сломаетесь.

Катя смотрела на неё, и в её глазах блестели слёзы. Она не вытирала их. Она просто сидела и держала в руках лист бумаги, который теперь казался ей не опасным, а — может быть — спасительным.

— Я не знаю, кто вы, — сказала она наконец. — И не знаю, зачем вам это. Но…

Она замолчала, посмотрела на список. Потом — на Наталью. И в её взгляде что-то изменилось. Там всё ещё был страх. Но теперь к нему добавилось что-то похожее на робкую, почти невозможную надежду.

— Я посмотрю, — сказала она тихо. — Но обещайте мне одну вещь.

— Какую?

— Если вы меня обманываете… — она сглотнула. — Не трогайте мою маму. Она ни в чём не виновата.

Наталья почувствовала, как её сердце сжалось. Ей стало невыносимо жаль эту женщину, которой предстояло сыграть роль в этой игре, но другого варианта не было.

— Я обещаю, — сказала Наталья.

Катя кивнула. Она встала, сложила лист пополам и убрала в сумочку. Потом посмотрела на Наталью — долгим, изуча-

ющим взглядом.

— Я вам позвоню, — сказала она.

И пошла прочь быстрым шагом, не оглядываясь. Но в её походке уже не было сутулости. Как будто она сбросила с плеч хотя бы часть того груза, который несла годами.

Наталья смотрела ей вслед. Она чувствовала, как внутри неё борются два чувства: облегчение от того, что контакт установлен, и вина за то, что она использовала боль этой женщины.

Вадим подошёл к ней, когда Катя скрылась за углом. Он сложил книгу, которую так и не прочитал, и посмотрел на Наталью.

— Получилось? — спросил он.

— Не знаю, — ответила она. — Пока не знаю.

— Но она возьмёт список. И позвонит.

— Откуда ты знаешь?

Наталья подняла на него глаза. В её взгляде была усталость и что-то ещё — то самое, неуловимое.

— Потому что она устала бояться, — сказала она. — И потому что я дала ей то, чего у неё не было. Надежду.

Они пошли к выходу из парка. Солнце уже село, и город начал зажигать огни. Впереди была работа. Впереди была игра. Но первый шаг был сделан.

Кольцо на пальце Натальи тихонько пульсировало.

Глава 5. Первый след

— Ну, чем порадуете? — Игорь Аркадьевич развалился в кресле и смотрел на Вадима с Натальей. В его взгляде была усталость, но и интерес — тот самый, который появляется у охотника, когда он видит свежий след.

— Есть кое-какие результаты, — Наталья положила на стол собранные материалы. Папка была тонкой, но в ней лежало несколько листов с пометками, распечатки, фотографии.

— Я обязательно всё просмотрю, — сказал Игорь Аркадьевич, не прикасаясь к папке. — Но вы расскажите, что нарыли.

— Анна Александровна Путищева, — начала Наталья, и голос её стал деловым, ровным. — Замминистра финансов РФ. Личность, конечно, известная. Но, если позволите, краткую справку, чтобы мы были на одной волне.

Игорь Аркадьевич утвердительно кивнул.

— Ну так вот, — продолжила Наталья. — Ещё будучи студенткой ВШЭ, Анна уже совмещала учёбу с работой в ЦБ на невысоких должностях. Мы не совсем уверены, как она смогла туда попасть.

Она перевела взгляд на Вадима, и тот утвердительно кивнул головой.

— Вот что Вадим раскопал: якобы у неё была связь с руководителем ЦБ по Центральному федеральному округу. Симпатичная, амбициозная, неглупая. Обладая всеми этими

качествами, да если ещё добавить беспринципность, можно легко двигаться по карьерной лестнице.

Наталья сделала короткую паузу. Игорь Аркадьевич внимательно слушал, не перебивая.

— Она проработала в ЦБ ещё пару лет и перешла в частный сектор — «Би+ групп», крупный энергохолдинг. По официальным данным, к этой группе имел отношение один из Ротшильдов. По неофициальным — их клан практически контролировал деятельность компании.

Наталья остановилась.

— Мы думаем, — продолжил Вадим, — что именно там её и завербовали. Проработав на разных должностях ещё пару лет, Анна вернулась в госсектор, и карьера начала расти как на дрожжах. Мы все понимаем возможности клана. Да и вы это прекрасно знаете — ведь и за Стивеном они стояли.

В кабинете повисла пауза. Игорь Аркадьевич задумчиво крутил авторучку.

— Ну так вот, — продолжила Наталья. — Стоит отметить, что Анна и сама обладает достаточными качествами. А имея такую поддержку — ну, вы сами понимаете. У неё есть политическое чутьё. Она умеет ладить со всеми — по необходимости. Но по повадкам она политический хищник. Она аккуратно прислушивается к пожеланиям представителей элит, идёт им навстречу и пытается заслужить их расположение. Таким образом она постепенно формирует свой круг. Кто-то от неё зависит, кто-то симпатизирует, кто-то делает на неё

ставку, а кто-то вовсе не против переспать с ней.

— Всё это очень интересно, — задумчиво произнёс Игорь Аркадьевич. — Но у нас в стране много таких. И то, что она работала в структуре Ротшильдов... — он поморщился, — ещё не доказывает факт вербовки.

Наталья кивнула. Она знала, что он это скажет. Знала, что биография — это только фон, только канва. Нужны нити, которые можно потянуть. Нужны доказательства.

— Мы понимаем, — сказала она. — Поэтому мы не остановились на биографии. Мы нашли кое-что конкретное.

Она открыла папку и достала несколько листов.

— Вот. Финансовые транзакции. Анна Александровна, будучи замминистра, не имеет права на зарубежные счета. Официально. Но у неё есть сестра двоюродная, которая живёт в Латвии. И у этой сестры есть счёт в одном из латвийских банков. На этот счёт регулярно приходят деньги. Источник — несколько офшорных компаний. Все они зарегистрированы в юрисдикциях, которые связаны с Ротшильдами.

Игорь Аркадьевич подался вперёд. Глаза его сузились.

— Это уже интереснее, — сказал он. — Но это ещё не прямое доказательство. Она может сказать, что сестра — самостоятельный человек, что деньги — её личные, что она не имеет к ним отношения.

— Может, — согласилась Наталья. — Но есть ещё кое-что.

Она достала следующий лист.

— Вот расписание командировок Анны Александровны за последние два года. Обратите внимание на даты. Вот здесь, здесь и здесь — она летала в Ригу. Официально — на «переговоры по линии финансового сотрудничества». Но в эти же дни на счёт сестры приходили крупные суммы. Мы проверили: в Риге она встречалась не с чиновниками. Она встречалась с человеком. Вот его фото.

Она положила на стол фотографию. На ней был мужчина лет пятидесяти, в дорогом костюме, с холодным, ничего не выражающим лицом.

— Это Мартин Вейс. Гражданин Австрии. Официально — консультант по инвестициям. Неофициально — один из кураторов сети Ротшильдов в Восточной Европе. Он же тот самый человек, который, по нашим данным, вёл переговоры с Анной ещё в «Би+ групп». Когда она только начинала.

Игорь Аркадьевич взял фотографию, долго смотрел на неё, потом отложил.

— Это уже серьёзно, — сказал он. — Но всё ещё недостаточно. Нужно что-то, что свяжет её напрямую. Что-то, что она не сможет объяснить.

— Мы работаем над этим, — сказала Наталья. — Есть ещё один след. Но он требует времени.

— Какой?

— Её секретарь Екатерина. Мы вышли на неё. Она обижена на Анну, у неё больная мама, ей нужны деньги. Она может дать нам доступ к документам, которые Анна хранит

в своём кабинете. К тем, которые не в официальной базе.

Игорь Аркадьевич помолчал. Он смотрел на Наталью и Вадима, и в его взгляде было что-то новое — уважение.

— Хорошо, — сказал он. — Работайте. Но осторожно. Если Анна почувствует, что за ней следят, она уничтожит всё. И тогда мы останемся ни с чем.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом был серый петербургский день. Где-то вдалеке сигналили машины, шумел город.

— И ещё, — сказал он, не оборачиваясь. — Вы сказали, что она — политический хищник. Это верно. Но хищники чувствуют опасность. Она уже может знать, что мы ей интересуемся. Поэтому — никаких ошибок. Ни одной.

Он повернулся к ним.

— Докладывайте мне лично. В любое время, о любом результате.

Наталья и Вадим кивнули. Они встали, забрали папку и вышли из кабинета.

В коридоре было тихо. Наталья прислонилась к стене.

— Ты думаешь, Катя согласится? — спросил Вадим, и в его голосе прозвучала тревога.

Наталья посмотрела на него. В её глазах была усталость и решимость.

— Она согласится, — сказала она. — Она устала бояться. И она хочет, чтобы её мама была в безопасности. Это её слабость. И её сила.

Она сжала кольцо.

— Мы дадим ей то, чего у неё нет — надежду. И тогда она поможет нам.

Вадим кивнул. Он не стал спрашивать, что будет потом. Он знал, что потом будет больно. Но другого пути не было.

Они пошли по коридору — к выходу, к городу, к новой игре.

Глава 6. Самозванка

Ольга Фёдоровна сидела в своём кабинете, разбирая бумаги. Свечи горели ровно, отбрасывая тёплые блики на паркет. За окном серел промозглый петербургский день — один из тех, когда кажется, что солнце навсегда покинуло этот город. Она уже давно научилась не замечать этой серости. Привыкла. Как привыкла ко многому.

Дверь приоткрылась, и на пороге появился Орлов. Он выглядел собранным, но в его глазах читалась тревога, которую он всегда старался скрыть, но которая всё равно пробивалась наружу.

— Да, Алексей, — Ольга Фёдоровна вопросительно посмотрела на него. — Что у тебя?

— Пока только слухи, ваше величество.

— Какие? Рассказывай всё, что знаешь.

Орлов вошёл и остановился перед столом. Он говорил тихо, но чётко — как человек, который привык докладывать о

вещах, от которых зависит судьба империи.

— Поступила информация из надёжных источников, что появилась некая самозванка, которая имеет претензии на престол.

Ольга Фёдоровна отложила перо. В её взгляде что-то дрогнуло.

— Говорит, что якобы она дочь вашей тётушки, — закончил Орлов.

Императрица нахмурилась. Самозванцы всегда появлялись время от времени — она помнила и двух Лжедмитриев, и других безумцев, которые мнили себя наследниками престола. Но она никак не ожидала, что это произойдёт сейчас, в столь сложное для страны время.

— Кто? — спросила она, и голос её стал жёстче.

— Точное имя доподлинно неизвестно. Она представляется то одним именем, то другим.

Ольга Фёдоровна медленно встала. Она прошлась по кабинету, чувствуя, как внутри неё закипает гнев. Не страх. Гнев. Она знала, что за каждым самозванцем кто-то стоит. Сами они не появляются.

— Зная, сколько у нас врагов, Алексей, могу предположить, что её поддерживают? — спросила она, остановившись у окна.

— Да, и в первую очередь поляки.

— Хм-м, — Ольга Фёдоровна нахмурилась. — Не могут забыть раздел Речи Посполитой. Ну что ж, тем хуже для них.

Она смотрела на серое небо и чувствовала, как в её душе поднимается что-то холодное и твёрдое. Она знала поляков. Знала их гордость, их упрямство, их неспособность смириться с потерей. Но она также знала, что они не решатся действовать в одиночку. Им нужна поддержка внутри России.

— Но это ещё не всё, — продолжил Орлов, и голос его стал тише. — Есть сведения, что и внутри кое-кто смотрит в эту сторону.

— Панин? — спросила она, и в этом имени прозвучала горечь.

— Очень может быть. У меня нет точных сведений. Это лишь догадки и предположения. Но я думаю, что не он один.

Ольга Фёдоровна закрыла глаза. Опять. Опять эти люди, которые готовы продать страну ради своих амбиций. Эти тени, которые прячутся за улыбками и словами о верности.

«Опять эта пятая колонна», — пронеслось в её голове. Слово было чужим, из будущего. Но она чувствовала его всем своим существом. Она знала, что такие люди были, есть и будут. И она знала, что с ними нужно бороться жёстко, без пощады.

Она открыла глаза. Взгляд её был твёрдым.

— Алексей, я даю тебе любые полномочия, — сказала она. — Выясни, во-первых, кто она. В чистом виде самозванка или всё же имеет какое-то отношение по крови. И тем более выясни, кто ей симпатизирует у нас. Поляки меня не очень беспокоят. Но если они получат поддержку внутри, ситуация

может поменяться.

— Слушаюсь, — Орлов развернулся, готовый выйти, но Ольга Фёдоровна остановила его.

— Постой. Нужно действовать крайне аккуратно, чтобы никто не смог заподозрить, что мы ведём расследование. Иначе они спрячутся.

— Да, ваше величество, я понимаю.

— А ещё лучше, если бы мы смогли их спровоцировать.

Орлов недоуменно поднял бровь.

— Мы сыграем в игру. Любишь театр? — и Ольга Фёдоровна лукаво улыбнулась.

Она смотрела на Орлова, и в её глазах горел тот самый огонь, который появлялся у неё, когда она задумывала что-то важное. Она не собиралась просто ждать. Она собиралась действовать. И не просто действовать — играть. Как актёр на сцене. Или как полководец на поле боя.

— Что вы задумали, ваше величество? — спросил Орлов, и в его голосе прозвучал интерес.

— Пока не скажу, — ответила она. — Но скоро ты всё узнаешь. А пока — готовься. И приглядывай за Паниным. Он уже однажды предал. Возможно, задумал предать снова.

Орлов кивнул. Он знал, что она права. Знал, что Панин не тот человек, которому можно доверять до конца. Но он также знал, что без него не обойтись. Политика — это не игра в святых. Это игра на выживание.

— Иди, — сказала Ольга Фёдоровна. — И помни: никто

не должен знать.

Орлов поклонился и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Ольга Фёдоровна осталась одна. Она подошла к окну и посмотрела на город. Серый, холодный, равнодушный. Но где-то в нём прятались те, кто хотел её свергнуть. Те, кто хотел разрушить то, что она строила годами.

Она сжала кольцо на пальце. Камень был тёплым, живым. Она чувствовала связь с Натальей — тонкую, но прочную. И знала, что там, в будущем, идёт своя игра. Своя битва.

— Мы справимся, — прошептала она. — Мы обязательно справимся.

Она вернулась за стол и взяла перо. Нужно было писать указы. Нужно было готовить армию. Нужно было играть свою роль.

За окном начинался новый день.

Глава 7. Катя

Катя не могла найти себе места. Она ходила по комнате — из угла в угол, как загнанный зверь.

«Что же делать, что же делать? — мысленно повторяла она снова и снова. — Мама, как я тебе ещё могу помочь? Неужели нет другого выхода?»

Она была уверена, что Наталья, кем бы она ни была, выполнит обещание в отношении мамы. Но что потом? Что по-

том они попросят или заставят её сделать? А если она откажется? Что тогда? Маму отправят обратно? Скорее всего, да. Это крючок. И если она проглотит наживку, обратного пути уже не будет.

«А что, если это вообще иностранная разведка и её вербуют? — пронеслось в голове. — Но что я могу? Я же всего лишь секретарь. Пускай и Анны Александровны, но секретарь. Вероятно, через меня они хотят выйти на Анну. Да и что мне с того?»

Вдруг внутри неё вспыхнула злость, которую она прятала годами. Та самая, которая копилась, как вода в плотине.

«Если бы она ко мне по-человечески относилась, я бы на это не пошла. А тут…»

Она опять зашагала по комнате. Она боялась. Она никого никогда не предавала. И сейчас ей предстоял самый трудный выбор в её жизни.

Она взяла в руки листок бумаги со списком клиник. Это всё были коммерческие организации. И, скорее всего, безумно дорогие. Сама бы она никогда в жизни не смогла оплатить их. Даже если бы залезла в кредиты. А с её относительно невысокой зарплатой и о кредитах можно не мечтать.

Наконец она не выдержала. Схватила телефон и набрала номер.

— Здравствуйте, это Катя.

— Здравствуйте, Катя, — ответила Наталья ровным, спокойным голосом.

— Мы можем встретиться?

— Да, конечно.

Был тёплый день. В парке, где они договорились встретиться, было многолюдно: мамы с детьми, женщины с собачками, парочки, проходящие мимо. Всё это создавало атмосферу надёжности и спокойствия. Но Катя сильно нервничала.

Они присели на лавочку чуть подальше от основных дорожек. Катя нервно теребила край кофты, не зная, с чего начать. Наталья сидела рядом, не торопила, не давила. Просто ждала.

Наконец Катя решилась.

— Скажите, Наталья. Мне это очень важно. Кто вы? Вернее, на кого вы работаете? На иностранную разведку? Американскую?

Наталья улыбнулась — мягко, без обиды.

— Ну что вы, какая иностранная разведка. Я работаю на правительство. На одну из структур правительства Российской Федерации. К сожалению, более подробно я вам не могу рассказать.

— Конечно, вы бы вряд ли мне сказали по-другому, — Катя усмехнулась, но в этой усмешке была горечь, а не насмешка.

Наталья положила руку на колено Кати. Это было не властно, не покровительственно. Просто тепло. По-челове-

чески.

— Катя, ну послушайте. Ну какая из меня разведчица? Да ещё и иностранная.

Она помолчала, давая Кате время. Потом заговорила снова — тихо, серьёзно, без игры.

— Я понимаю, почему вы боитесь. Я бы тоже боялась. Вы видите, перед собой человека, который предлагает помощь, но не говорит, кто он. Это выглядит подозрительно, я согласна.

Она убрала руку и откинулась на спинку лавочки.

— Поэтому я не буду вас уговаривать. Я просто скажу вам одну вещь. И вы сами решите, верить мне или нет.

Катя напряглась. Она ждала подвоха.

— Вы боитесь, что мы используем вас. Что вы станете пешкой. Я не могу вам обещать, что этого не будет. Но я могу обещать другое.

— Что?

— Что мы не бросим вас. Что бы ни случилось. Мы не бросим вашу маму. Мы не оставим вас одну. Это не вербовка. Это предложение. Ты можешь отказаться. Ты можешь встать и уйти. И я не буду тебя преследовать.

Она смотрела Кате прямо в глаза.

— Но, если ты останешься — ты не будешь одна. Это всё, что я могу тебе обещать.

Катя молчала. Долго. В парке играли дети, где-то лаяла собака, шумели машины. Мир жил своей жизнью, не замечая

двух женщин на лавочке.

Наконец Катя заговорила, голос её дрожал.

— Вам нужна Анна Александровна?

Она резко повернулась и посмотрела Наталье в глаза.

— Я-то вам зачем?

Наталья выдержала её взгляд.

—Ты ключ, Катя. Не потому, что ты секретарь. А потому, что ты — человек, которого она недооценила. Она думает, что ты просто пешка. Она не видит в тебе силу. А сила — это ты.

Катя смотрела на неё, и в её глазах блестели слёзы. Она не вытирала их. Она просто сидела и держала в руках край кофты.

— Я подумаю, — сказала она тихо. — Завтра.

Наталья кивнула.

— Хорошо.

Она встала.

— Я позвоню тебе послезавтра. Если ты не возьмёшь трубку, я пойму. И больше не потревожу.

Она пошла прочь — не оглядываясь. Катя смотрела ей вслед, и в её душе боролись два чувства: страх и что-то ещё. Что-то, похожее на надежду.

Глава 8. Первое задание

— Да, что тебе? — Анна Александровна оторвала взгляд

от монитора компьютера и посмотрела на Катю. В её глазах было раздражение — то самое, которое появлялось каждый раз, когда что-то шло не по плану.

— Анна Александровна, на это время нет билетов.

— Как нет? — голос Анны стал резче.

Катя почувствовала, как внутри неё всё сжалось. Она знала этот тон. Знала, что сейчас может последовать вспышка гнева.

— Вы же «Аэрофлотом» летаете. Так вот, уже билетов нет. Если бы вы мне хоть на день раньше сказали, а сейчас уже поздно. Я могу посмотреть другие авиакомпании, если вы не против.

— Нет, я другими не полечу, — отрезала Анна. — Ладно, закажи на завтра. Всё, иди.

Катя вышла из кабинета, чувствуя, как руки дрожат. Она не понимала, почему Анна так нервничает. Но она видела — что-то происходит. Что-то, что не укладывается в привычный ритм.

Анна осталась одна. Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Внутри неё всё кипело.

«Совсем вылетело из головы. Встреча с куратором. Нужно его предупредить. Но как? Телефоном пользоваться нельзя — небезопасно. Но, тогда как? Для стандартного вида связи уже не было времени. Чёрт, как я могла забыть?»

Она нахмурилась. «Думай давай. Думай».

Она открыла глаза. Взгляд упал на дверь. И тут её осени-

ло.

— Катя, зайди, — позвала она, и голос её стал мягче. Ласковее.

Катя вошла. Она выглядела настороженной — как человек, который привык к окрикам и не ждёт ничего хорошего.

— Хотела спросить, как у тебя дела? — начала Анна, и улыбка на её лице была почти тёплой.

Катя изумлённо посмотрела на своего шефа. Такой Анны она не видела никогда.

— Да всё в порядке, Анна Александровна.

— Как вообще работается со мной? Я знаю, что непросто. Да, я человек сложный. Но, как говорят, шефа себе не выбирают.

Катя изумлялась всё больше. Она не знала, что ответить. Она чувствовала подвох, но не могла понять, в чём он.

— Да всё хорошо, — ответила она вежливо.

— Ты знаешь, у меня какая-то проблема с телефоном. Нужно новый купить, наверное. А мне срочно нужно позвонить. Можно твоим воспользоваться?

Губы Анны растянулись в располагающей улыбке. Катя колебалась секунду. Но потом протянула ей свой телефон.

— Да, конечно.

— Это быстро.

Анна взяла телефон. Она набрала текст — короткий, сухой: «Посылка задерживается до завтра. Тоже время». Она отправила его, а потом удалила из архива. Все следы. Все.

— Катя! — крикнула она.

Катя вошла. Анна протянула ей телефон.

— На, держи. Спасибо.

— Да не за что, Анна Александровна.

Катя вернулась на своё место. Она немного нервничала. Разблокировала телефон, но ничего не увидела. Если Анна и звонила кому-то или писала, то всё было стёрто.

«Ладно. Скоро совещание, и её не будет час».

Руки немного дрожали. Она знала, что должна сделать. Знала, что это риск. Но она также знала, что другого шанса может не быть.

Скоро Анна вышла из кабинета и закрыла его на ключ.

— Я на совещание. Если кто будет искать — буду через час.

— Конечно, Анна Александровна.

Как только она ушла, Катя достала из кармана дубликат ключа. Действовать нужно быстро. Не дай Бог, кто увидит.

Она вошла в кабинет. Сердце колотилось где-то в горле. Она осмотрелась. Стол, компьютер, бумаги. Где? Куда мне это деть?

«Сумочка? А вдруг она возьмёт другую? Тогда куда?»

Волнение нарастало. Катя чувствовала, как пот стекает по спине.

«Блин, блин. Вдруг кто заметит?»

Наконец взгляд её упал на баночку с кремом. Стояла на краю стола, рядом с зеркальцем. Анна всегда брала с собой

этот крем. Скорее всего, возьмёт и в этот раз.

Недолго думая, Катя открыла крышку. Крем был белым, густым, с лёгким запахом розы. Она аккуратно, мизинцем, затолкала микрофон размером с булавочную головку внутрь белой массы. Затем разгладила поверхность, закрыла крышку и поставила баночку обратно на место.

Она вышла из кабинета, закрыла дверь и вернулась на своё рабочее место. Села. Выдохнула.

Вечером, после работы, Катя заскочила в «Пятёрочку» недалеко от дома. Она шла по ряду с йогуртами, делая вид, что выбирает товары. Руки всё ещё дрожали.

— Ну и как? — Наталья стояла рядом, делая вид, что изучает этикетку на банке с оливками.

Катя вздрогнула. Она не заметила, как та подошла.

— Я всё сделала.

— Мы знаем. Сигнал идёт. А где?

— В баночке с кремом.

Наталья улыбнулась — коротко, почти незаметно.

— Оригинально. А если найдёт?

— Не найдёт. Баночка почти полная. А когда она вернётся, я его так же вытащу. Или баночку украду. Подумает, что потеряла.

Наталья отошла в сторону, к полке с хлебом. Она не смотрела на Катю. Это было не нужно. Всё было сделано.

Катя стояла посреди магазина, чувствуя, как сердце колотится, как руки дрожат, как внутри неё борются страх и что-

то ещё. Что-то, похожее на облегчение.

Она сделала первый шаг. Обратного пути нет.

Глава 9. Рига

Рига встретила Анну серым, но мягким утром. Старый город уже проснулся, узкие улочки, мощёные камнем, дышали сыростью и историей. Анна шла быстро, не оглядываясь, но чувствуя спиной каждый взгляд, каждый шорох. Каждый прохожий казался агентом, каждый автомобиль — наружкой. Она привыкла к осторожности, но теперь осторожность стала паранойей.

Ресторан, куда она направлялась, прятался в глубине одного из старых дворов. Четырёхметровые арки средневековой постройки встречали посетителей уютной атмосферой. Единственный древний колодец в центре зала добавлял интерьеру аутентичность и шарм. Пахло здесь жареным мясом, специями и старым деревом. Играла тихая музыка — что-то из классики, почти неразличимое за гулом голосов.

— У вас заказан столик? — молодой парень в роли хостес растянул рот в улыбке.

— Да, меня ждут.

Анна прошла внутрь и огляделась. Мартин уже сидел за столиком в углу, у стены. Увидев её, он сделал лёгкий жест рукой — короткий, почти незаметный.

Анна подошла и уже собиралась поздороваться, как Мар-

тин приложил палец к губам. В его глазах была холодная собранность, которая всегда появлялась перед чем-то важным. Он поднялся и, не говоря ни слова, сделал знак следовать за ним.

Они спустились в винный погреб. Толстые каменные стены, низкие своды, ряды бутылок в старых стеллажах. Воздух был прохладным, влажным, пахло пробкой и вином. Здесь не было ни души.

Мартин достал из кармана прибор, похожий на обычный смартфон, и опять сделал жест, показывая, что нужно молчать. Он медленно, тщательно провёл аппаратом по одежде Анны. Тишина. Потом — по её волосам. Тишина. И вдруг — тонкий, едва слышимый писк.

Мартин замер. Его лицо не изменилось, но в глазах мелькнула тень. Он сделал знак открыть сумочку.

Анна, чувствуя, как дрожат руки, расстегнула молнию. Мартин вытаскивал один предмет за другим — помаду, зеркальце, кошелёк, ключи, — поднося каждый к сканеру. Тишина. Тишина. Тишина. И вдруг — повторный писк. На баночке с кремом.

Мартин взял баночку в руки, открыл крышку, хмыкнул себе под нос. Закрыл. Аккуратно поставил её между бутылками с вином на ближайшем стеллаже. Затем сделал жест следовать за ним.

Они поднялись из погреба. Мартин провёл Анну в отдельный кабинет — маленький, без окон, с тяжёлой дверью.

Здесь можно было говорить.

— Ну, — сказал он наконец, и голос его был ровным, без эмоций. — Теперь мы можем поговорить.

— Что это было? — в голосе Анны сквозило напряжение. Она старалась держаться, но руки всё ещё дрожали.

— Микрофон. За тобой следят.

Анна почувствовала, как внутри всё сжалось. Она знала, что это может случиться. Готовилась. Но когда это случилось на самом деле — оказалось, что готовности не хватает.

— ФСБ? — спросила она, и голос её сорвался на шёпот.

— Может, и ФСБ. Хотя наш информатор молчит. Если это и ФСБ, то операция сильно засекречена.

Анна проглотила слюну. В горле пересохло.

— И что теперь? Залечь на дно?

Мартин внимательно смотрел ей в глаза. Долго, изучающе. Как человек, который проверяет, насколько можно доверять тому, кто перед ним.

— Боишься?

— Ну как-то не охота схватить пожизненное.

— Это хорошо, что боишься, — сказал Мартин, и в его голосе появилась странная нотка, почти одобрение. — Значит, будешь крайне осторожна.

Он сделал паузу. В кабинете было тихо. Только где-то вдалеке, за стенами, слышались приглушённые голоса — ресторан жил своей жизнью, не подозревая о том, что происходит здесь.

— Залегать на дно нельзя, — продолжил Мартин. — Слишком мало времени.

Анна опять проглотила слюну. Руки дрожали. Она сжала их в кулаки, чтобы никто не заметил.

— Но что же мне делать?

— Есть догадки, кто мог подложить микрофон?

Анна отрицательно покачала головой. Потом замерла. Мысль, которая была где-то на периферии, вдруг вышла на первый план.

— Хотя… может быть, Катя. У кого ещё был доступ к моим личным вещам?

— Ну что ж, хорошо, — сказал Мартин, и в его голосе не было ни удивления, ни гнева.

— Хорошо? — Анна почувствовала, как внутри неё поднимается волна гнева. — Да я размажу эту сучку!

— Спокойно, — Мартин взял её за руку. Его пальцы были холодными, но крепкими. — Спокойно. Всё под контролем. Знаешь поговорку: предупреждён — значит вооружён.

Он отпустил её руку и откинулся на спинку стула.

— Мы используем твою Катю как нужно. Они думают, что контролируют нас. А мы будем контролировать их.

Мартин вытащил из кармана несколько снимков и положил на стол. На одном была Катя, сидящая у фонтана с какой-то женщиной. На другом — та же женщина, уже с Катей в магазине.

— Кто она? — шёпотом спросила Анна.

— Это один из сотрудников Игоря Аркадьевича.

— Того самого? — удивилась Анна.

— Да, того самого.

— Но, насколько я знаю, он же наш.

— Был наш. Но что-то случилось, и мы пока не знаем — что. Но я это выясню. Теперь он совсем не наш.

— ФСБ перевербовали?

— Не думаю. Что-то произошло с ним самим. Кто-то оказал очень сильное влияние на него. Настолько сильное, что он переметнулся от нас в другой лагерь.

— Может, это сам…? — начала Анна, но Мартин перебил её.

— Не думаю, что это, как ты выражаешься, САМ.

— Но кто тогда?

— Это не так важно сейчас. Сейчас важно сосредоточиться на миссии и правильно использовать Катю.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Будь с ней ласковее, войди в доверие. Ну, пригласи её после работы посидеть, выпить по бокалу вина. И потихонечку сливай ей дезу. Что ты патриот. Что у тебя есть подозрения, что кто-то готовит переворот в стране. И даже назови пару фамилий.

— Каких фамилий?

Мартин взял салфетку, написал на ней что-то и протянул Анне. Она прочитала. Кивнула. Затем Мартин скомкал салфетку и убрал в карман.

— Пускай дёргают за другие ниточки, пока поймут, что к чему.

— А что со мной? — спросила Анна, и в её голосе прозвучала тревога.

— Сколько сейчас лояльных?

— Ну, может, человек десять-пятнадцать.

— Этого мало. Силовики есть?

— Один.

— Нужно ещё. Лояльные — это хорошо. Но без силовых структур мы ничего не сделаем.

— А если провал и меня раскроют?

— Провала не будет. Мы внимательно следим за всем. И если почувствуем, что дела и впрямь плохи, мы тебя вывезем.

Анна недоверчиво посмотрела на Мартина. Он выдержал её взгляд. Не отвёл.

— Не переживай. Если я что-то обещаю, я это выполняю. Зато в случае удачи у тебя будет всё. И даже больше, чем всё. Думай об этом.

Он помолчал.

— Да, и ещё вот что.

Мартин внимательно посмотрел Анне в глаза.

— Деньги твоей сестре мы переводить больше не можем. Мы откроем отдельный счёт на подставное имя в швейцарском банке. Получишь всё сразу по завершении.

Он встал и вдруг застыл как вкопанный. На миг ему по-

казалась, что перед ним не Анна, а другая женщина в старинных одеждах. Наваждение прошло так же быстро, как и появилось

— Ну всё. И так уже времени много ушло. Спустись в погреб, забери крем. И вперёд, по своим обычным делам.

Анна встала. Она чувствовала, как внутри неё борются страх и злость. Страх за себя. Злость на Катю. На эту серую мышку, которую она недооценила, которая оказалась умнее, чем она думала.

Она вышла из кабинета, спустилась в погреб, забрала баночку с кремом. И пошла наверх — к свету, к людям, к своей обычной жизни. Но теперь эта жизнь была другой. Теперь она знала, что за ней следят. И теперь она знала, что будет делать.

Игра продолжалась.

Глава 10. Возможный выход

— Как-то всё это странно… — Наталья положила на стол Игоря Аркадьевича распечатку последних записей с микрофона. Бумага легла неровно, один край чуть загнулся, будто сам по себе, и этот мелкий изъян вдруг показался ей дурным знаком. Она не спешила убирать руку, будто боялась, что если отпустит лист, то вся собранная и ми мозаика рассыплется в пыль.

— Что странно? — спросил Игорь Аркадьевич, не подни-

мая глаз. Он возился с чашкой остывшего кофе, двигая её по столу так, словно пытался выстроить из неё часть какого-то невидимого узора.

Наталья глубоко вдохнула, будто собиралась нырнуть в ледяную воду.

— Мы знаем, что она пошла на встречу с Мартином, но записей их разговора нет. Вообще нет. Будто кто-то вырезал кусок плёнки, а края аккуратно спаял. И к тому же поведение Анны как-то резко поменялось. Стала более любезной, особенно в отношении Кати. Говорит патриотические вещи, цитирует статьи, которых раньше не читала, и даже критикует тех, кого вроде бы и не должна критиковать. Это не похоже на неё. Совсем не похоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.